

ДАНИЭЛЬ КИРШТЕИН

АЛХИМИК ПОНЕВОЛЕ,

или КАК ВЫЖИТЬ ПОД ОДНОЙ
КРЫШЕЙ С ГЕНИЕМ

18+

Даниэль Кирштейн Алхимик поневоле, или Как выжить под одной крышей с гением

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71953603

SelfPub; 2025

Аннотация

Из химика в НИИ – в аристократку мира магии со странным даром! Моя новая жизнь полна корсетов, пыли и... нежелательного внимания. Особенно со стороны магистра Артемия – гениального, но невыносимого алхимика. Ему нужен мой дар как уникальный "живой катализатор" для его проекта века.

Теперь я живу под его крышей, участвую в опасных экспериментах и пытаюсь понять этот мир, пока вокруг сгущаются тучи. Враги хотят заполучить мою силу, а я – не стать пешкой в чужой игре и не влюбиться в гения, который видит меня только как формулу.

Сможем ли мы спасти угасающий мир, если рискуем взорвать всё вокруг или уничтожить друг друга раньше?

Содержание

ГЛАВА 1: Вот это я попала!	4
ГЛАВА 2: Не совсем принцесса (и совсем не служанка)	11
ГЛАВА 3: Проверка гипотезы и поиск аномалий	17
ГЛАВА 4: Срочно требуется... катализатор? Или подопытный кролик?	24
ГЛАВА 5: Переезд в обитель гения	30
ГЛАВА 6: Правила совместной работы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниэль Кирштейн Алхимик поневоле, или Как выжить под одной крышей с гением

*"Самая сложная формула – та, что описывает
взаимодействие Невозможного с Очевидным."*

*– Из трактата Магистра Артемия "О
Структурной Алхимии"*

ГЛАВА 1: Вот это я попала!

Еще пять минут. Всего пять минуточек блаженного существования в душной, пропитанной запахом химикатов лаборатории, и я смогу сбежать. Вырваться на волю, вдохнуть свежий (ну, относительно свежий, для мегаполиса) воздух и пойти в любимое кафе. Сесть за столик у окна, заказать самый большой стакан отвратительного, но такого родного растворимого кофе (не спрашивайте, почему именно растворимый, просто привычка!), посмотреть на суетящихся людей, почувствовать себя... обычным человеком. Просто Аня. Ну, или Анна Сергеевна, как меня по отчеству называли самые занудные преподаватели. В моем отделе в НИИ "Спец-

химсинтез" (название пафосное, а зарплата так себе) я была известна как "странненькая, но с мозгами". Или просто "странненькая". Занималась я... ну, скажем так, очень специфической областью на стыке химии полимеров и материаловедения. Синтез каких-то очень-очень специфических полимерных матриц для... чего-то там. Честно говоря, назначение конечного продукта было покрыто туманом секретности, и я, как человек сугубо практический, предпочитала не лезть в эти дебри. Главное – процесс. Реактивы, пробирки, колбы, автоклавы, хроматографы, расчеты. Чистая, прекрасная, поддающаяся логике и уравнениям химия.

Сегодня с утра все шло наперекосяк, словно сама Вселенная решила подшутить над моим стремлением к порядку. Спектрометр фонил так, будто принимал сигналы из космоса. Раствор, который должен был спокойно и чинно выпадать в осадок, вел себя как капризный ребенок – то бурлил, то замирал, отказываясь стабилизироваться. А коллега Слава, мой вечный источник вненаучной информации, в тридцатый раз за неделю рассказывал про проблемы на своей даче. Слава, ты прекрасный человек, с золотыми руками и добрым сердцем, но твои бесконечные истории про борьбу с колорадскими жуками и нашествие тли волнуют меня примерно так же, как прошлогодняя плесень на лабораторном столе. То есть никак. Мне бы с моим полимером разобраться!

Я склонилась над колбой, пытаюсь понять, почему мой драгоценный раствор ведет себя как обиженный подросток в

пубертате. По логике, он должен был уже давно успокоиться и дать мне нужный осадок. Вместо этого он шипел и плевался. Слава, тем временем, перешел к рассказу про то, как он удобрял грядки чем-то самодельным и что из этого вышло (боюсь даже спрашивать, что именно вышло). Я вздрогнула, когда из раствора пошел не просто пар, а... пар странного цвета. Такой нежно-сиреневый, с золотыми искорками. Так, стоп. Этого нет в протоколе. И в учебниках химии такого тоже нет.

Состав был... странным. Не по формуле. Совсем не по формуле. Я потянулась за спектрометром – все-таки надо зафиксировать это явление, вдруг это Нобелевка? – чувствуя легкое головокружение. Или это от паров? Или от Славиных историй про дачу, которые медленно, но верно разъедали мой мозг?

Мир внезапно качнулся. Не просто качнулся, его натурально повело в сторону. Цвета вокруг стали ярче, словно кто-то выкрутил контрастность на максимум. Звуки – резче, громче, словно кто-то включил все динамики сразу. Слава вдруг замолчал на полуслове о какой-то чудо-подкормке. Я подняла голову. Колба в руке светилась. Неоновым, незнакомым цветом. Таким, которого нет не то что в таблице Менделеева – его нет ни в одной палитре, которую я когда-либо видела. Это был цвет... чистой, невообразимой энергии?

"Э-э-э... Анна Сергеевна?" – Голос Славы донесся до меня как из пустой бочки, искаженный и отдаленный.

Свечение из колбы усилилось. Оно стало заполнять всю лабораторию, вытесняя обычный дневной свет, запахи, звуки. Я почувствовала, как меня отрывает от пола. Гравитация? Кажется, мы с ней только что попрощались. Паника? О да, вот она, родимая, обняла меня и пытается утащить в бездну. "Слава, это не по протоколу! Выключи... что бы это ни было! Только не трогай руками!"

Последнее, что я увидела в этом мире, был Слава с отвисшей челюстью, в глазах которого плескался вселенский ужас (наверное, он наконец понял, что с моими экспериментами что-то не так), и ярко-фиолетовый свет, который поглотил все вокруг. А потом... темнота. Не просто темнота. Абсолютное, осязаемое Ничто. Как будто меня выдернули из розетки реальности и положили на полку.

Сколько это длилось? Час? День? Год? Вечность? Не знаю. В Ничто нет времени. Я просто... была. Не думала, не чувствовала, не существовала. Просто ждала. Наверное, если бы я могла думать, я бы думала: "Интересно, что будет дальше?"

И вот, я снова чувствую. Чувствую тело. Но... оно другое. Чужое. Не мое, привычное. Чувствую одежду. Тоже не моя. Грубая ткань, давит где-то в районе талии. Чувствую... холод? Да, черт возьми, холодно! Кажется, я лежу на каменном полу. И пахнет. Пахнет пылью веков, старым деревом, чем-то затхлым и... лавандой? Откуда, черт возьми, здесь лаванда? И почему так холодно? Я же вроде не на Севере?

Открываю глаза. Темно. Очень темно. Вижу только неяс-

ные очертания мебели. Где-то капает. Звук гулкий, словно я нахожусь в большом пустом помещении. Или в пещере. Пытаюсь пошевелиться. Руки... другие. Тоньше. Пальцы длиннее. Аккуратнее. Ноги... тоже. Поднимаю руку, натыкаюсь на что-то мягкое. Ткань? Очень много ткани. Платье? Мое лабораторное не было таким... э... объемным. И оно точно не было из такого тяжелого материала.

"Так," – думаю. Внутренний голос почему-то звучит непривычно спокойно, даже... отстраненно, словно я не только что переместилась непонятно куда через непонятный сиреневый портал, а просто проснулась утром в незнакомой гостинице, забыв, как вчера добралась до номера. "Где я? Что произошло? Это сон? Очень реалистичный сон? Или я все-таки свихнулась от Славиных рассказов про колорадских жуков и теперь лечу в психушку?"

Пытаюсь сесть. Голова кружится так, будто я неделю пила не просыхая. Тело слабое, непривычное. Ощупываю себя. На талии... что-то давит. Корсет? Мать моя химия! Это точно не мой мир. Последний раз корсет я видела в музее или на реконструкторах на фестивале исторической реконструкции. И то издалека.

Встаю, держась за что-то резное – на ощупь, это спинка кровати. Спина ноет. Кажется, я приложилась об пол со всего маху. На ощупь стена каменная, холодная. Пытаюсь найти хоть какой-то источник света. Вроде где-то там окно? Или это просто более светлая полоса в крошечной тьме, куда не

дотянулся абсолютный мрак?

Иду наощупь, вытянув руки перед собой. Спотыкаюсь обо что-то мягкое и объемное (опять это платье!). Дохожу до "окна". Оно есть. Только закрыто чем-то плотным, тяжелым. Отодвигаю край. Ох ты ж...

Лунный свет, яркий и холодный, заливает комнату. Роскошную. Старинную. С балдахином над огромной кроватью, резной мебелью, тяжелыми, бархатными шторами. И пылью. Слой пыли. Много-много пыли. Как будто здесь никто не убирался веками. Или убирался только по большим праздникам, которые случались раз в сто лет.

И мое отражение в зеркале... Огромное зеркало в резной раме. Нет, не мое отражение. Молодая девушка. Очень бледная. С незнакомыми чертами лица. Глаза... большие, испуганные. На меня смотрит кто-то другой. Я – это она? Она – это я? Это... сложно.

"Так, Анна," – говорю себе (или пытаюсь сказать, голос тоже чужой. Высокий. Звонящий. Непривычный). "Паники нет. Главное – сохранять хладнокровие. Анализируем исходные данные. Я в чужом теле. Чужое место. Чужое время? Или это просто очень... очень... очень аутентичный музей или квест-комната, где перестарались с погружением?"

Но корсет... Корсет не музейный. Он на мне. И давит так, что дышать тяжело. И пыль... настоящая. И холод... пробирает до костей. И запахи... слишком реальные.

Похоже, я действительно попала. И кажется, не туда, куда

обычно попадают в анекдотах или интернет-рассказах про попаданцев. Никаких тебе королей, принцев и ректоров магических академий сразу. Только пыль, корсет и неизвестность.

ГЛАВА 2: Не совсем принцесса (и совсем не служанка)

Утро наступило не просто неожиданно, а с какой-то болезненной яркостью. Я задремала, сидя на холодном каменном полу, привалившись к стене. Сон был поверхностным и тревожным, наполненным обрывками фиолетового света и Славиными рассказами про жуков-мутантов. Разбудил меня... скрип двери. Громкий такой, надрывный скрип, словно дверь возражала против того, чтобы ее открывали. Я вздрогнула и, подчиняясь древнему инстинкту всех живых существ при встрече с неизвестностью, притворилась спящей. Или мертвой. На всякий случай.

В комнату вошел кто-то. Шаги легкие, женские. Неуверенные. Приближаются. Слышу тихий вздох. Потом кто-то стоит рядом. Не дышит. Ждет.

"Миледи? Вы проснулись?" – Голос робкий, даже испуганный.

Я медленно, словно нехотя, приоткрываю глаза. Передо мной стоит молодая девушка. Одета в простое платье из грубой ткани и чепец. Определенно, служанка. Ее лицо выражает сложную гамму эмоций: смесь испуга (меня?), жалости (ко мне?) и... отвращения? Отвращения? Что это за странная реакция? Я что, покрылась зеленой плесенью за ночь?

Или мой "дар" уже успел проявиться во сне?

"Я..." – пытаюсь ответить. Голос тоже чужой. Тонкий, высокий, совсем не мой низкий, немного хрипловатый голос, который я знала и не очень любила. "Где... где я?"

Служанка вздрогнула так, будто я сказала что-то на языке демонов. "Миледи, вы... вы дома. В своей комнате. В вашем поместье." Говорит быстро, сбивчиво, явно нервничает. Ее взгляд скользит по моему лицу, задерживаясь на чем-то... неприятном? Не понимаю. Вроде лицо ровное, бледное, но без видимых дефектов. Может, у меня на лбу клеймо вскочило? Или...

"Мое поместье?" – пытаюсь собрать в кучу обрывки информации, которые услужливо подкидывает память этого тела. Имя Лидия. Фамилия... кажется, Делакруа? Поместье... где-то на окраине графства... Богатое, но запущенное. И почему-то очень... тихое.

"Да-да, конечно," – закивала служанка слишком быстро. "Я принесу воды. Вам, наверное, нехорошо после... после вчерашнего." Она замялась. "Может, позвать... позвать кого-нибудь? Госпожу Эвелин? Или... или доктора?" Последние слова прозвучали с таким сомнением, словно "кого-нибудь" не очень хотели беспокоить моим пробуждением, а доктора боялись еще больше.

"Нет, не нужно," – быстро говорю, стараясь придать голосу уверенности, хотя внутри все дрожит. "Только воды. И... как тебя зовут?"

"Кэтрин, миледи," – ответила она, облегченно выдохнув (видимо, я не требовала немедленно вызвать экзорциста). И поспешила к двери, словно боясь, что я передумаю. Перед выходом она еще раз бросила на меня тот странный взгляд. Испуг-жалость-отвращение. Да что происходит?!

Пока Кэтрин ходила за водой, я попыталась исследовать комнату при более ярком свете дня. Утренние лучи проникали сквозь щели в плотных шторах. Роскошь была показная, но сильно поблекшая. Резьба на мебели покрыта толстым слоем пыли, портьеры выцвели до неузнаваемости, на стенах – влажные пятна и обрывки обоев. Похоже, это тело принадлежит семье, которая когда-то купалась в золоте, но теперь... переживает не лучшие времена. И живет в запущенном поместье, где даже на уборку, кажется, экономят. Это объясняет пыль, но не взгляд служанки.

Кэтрин вернулась быстро, с кувшином воды и резной серебряной чашкой. "Вот, миледи. Выпейте. Вам станет лучше."

Вода была холодная, чистая. Я сделала несколько больших глотков. Голова все еще кружилась, а в теле ощущалась какая-то слабость. "Кэтрин," – говорю, ставя чашку на прикроватный столик. "Скажи мне, как на духу... что со мной произошло? До того, как я... упала?"

Служанка замаялась. Тередила подол своего простого платья. Ее глаза метались по комнате, избегая смотреть на меня прямо. "Миледи... вы... вы были в гостиной. Вчера вечером.

С госпожой Эвелин." Госпожа Эвелин? А вот и родственница, похоже. Или опекунша. "И... приехали гости. Господин... господин Ричард. Он... он хотел... он хотел сделать вам предложение."

Мое сердце пропустило даже не удар, а целую серию кульбитов. Предложение?! Брак? В чужом теле? Вот это попала так попала! Это даже хлеще, чем у меня было с НИИ!

"Предложение... о браке?" – уточняю на всякий случай, чувствуя, как кровь приливает к лицу (к чужому лицу, ага).

"Да, миледи," – шепчет Кэтрин, словно произнося заклинание. Ее глаза снова забегали по моему лицу, и я снова увидела в них тот же комплекс эмоций.

"И... я... отказала?" Я старалась быть спокойной. В конце концов, отказ – это не конец света.

Служанка на секунду застыла, словно закоротило. Потом медленно, мучительно медленно, покачала головой. "Нет, миледи. Вы... вы не отказали. Но... вы были... странной."

"Странной?" Вот тебе и на. Просто "странной"? Не "впала в истерику", не "обругала всех", не "выбросилась из окна"? Просто "странной"? Что за странность такая, которая отпугивает женихов?

Тут Кэтрин совсем стушеввалась, говоря еле слышно. "Миледи, мне... мне не велено говорить об этом. Госпожа Эвелин... она... она запретила." Она сглотнула. "Но... когда господин Ричард... он подошел... и хотел взять вас за руку... ваш дар... он... проявился. И... и все испугались."

Дар? Какой еще дар? Я же обычный химик! Ну, была обычным химиком. У меня дар к анализу и синтезу был, а не к... чему? Пуганию женихов?

"Мой... дар?" – повторяю, пытаюсь понять. Это слово звучало в ее устах как "смертельная болезнь" или "стихийное бедствие".

Кэтрин кивнула, глядя на меня с тем же испугом. "Да, миледи. Тот... что с вами с рождения. Он... он очень редкий. И... и опасный, говорят."

Опасный? С рождения? Редкий? Что за чертовщина?! Это тело не просто чужое. Оно... проблемное. С серьезной такой, магической или околوماгической, проблемой. И кажется, моя новая жизнь будет куда сложнее, чем просто привыкнуть к корсету, пыли и отсутствию растворимого кофе. Взгляд Кэтрин и ее слова ясно давали понять: этот дар – нечто, что делает меня изгоем. И возможно, причина, по которой я вообще оказалась в этом теле.

Я лежала в кровати, пытаюсь переварить эту информацию. Дар. Станный. Опасный. Проявился при прикосновении. Отпугнул жениха. Служанка боится. Мозг, перегруженный новой информацией, начал лихорадочно строить гипотезы. Что это за дар? И как им управлять? И, главное, как сделать так, чтобы он больше не проявлялся в самый неподходящий момент? Кажется, моя карьера химика неожиданно сменилась на карьеру исследователя магических аномалий. И это, черт возьми, было куда опаснее, чем работа со взрывчатыми

веществами.

ГЛАВА 3: Проверка гипотезы и поиск аномалий

Оставшись одна (Кэтрин под благовидным предлогом "мне надо срочно принести свежий чай" сбежала из комнаты быстрее, чем я успела задать следующий вопрос), я попыталась понять, что же за "дар" или "странность" у этого тела, которая вызывает у людей такую реакцию. Мой внутренний монолог, привыкший к анализу и систематизации, перешел в режим "научного расследования в полевых условиях".

"Итак, имеем исходные данные: тело девушки по имени Лидия Делакура (вроде так). Социальный статус: аристократка, но, вероятно, из обедневшей или опальной семьи, судя по состоянию поместья. Внешность: бледная, без видимых дефектов (по крайней мере, при тусклом утреннем свете и моем субъективном осмотре). Проблема: некий 'дар', который проявляется в неконтролируемый момент (при попытке взять за руку, что предполагает физический контакт и, возможно, определенное намерение или эмоцию) и вызывает у окружающих смесь ужаса, жалости и отвращения. Гипотеза А (химическая): тело выделяет какое-то летучее вещество, вызывающее негативные эмоции или физическое недомогание у других. Гипотеза Б (физическая/энергетическая): вокруг тела создается поле или вибрация, воспринимаемая

другими как неприятная или пугающая. Гипотеза В (оптическая): дар временно меняет внешность тела на что-то отталкивающее. Гипотеза Г (психическая/магическая): дар напрямую воздействует на сознание других, наводя ужас, отращивание или другие негативные эмоции. Гипотеза Д (комбинированная): это сочетание нескольких факторов."

Надо провести эксперимент, чтобы проверить эти гипотезы. В моем мире для этого нужны были лаборатория, приборы, реактивы. Здесь... здесь у меня есть только я, эта комната и, предположительно, некий "дар". Черт. Придется использовать подручные средства и... метод тыка, сопряженный с наблюдательностью. Не самый научный подход, но за неимением лучшего...

Первое, что нужно сделать – спровоцировать этот "дар". Кэтрин сказала, он проявился, когда жених хотел взять меня за руку. Физический контакт? Окей. Намерение? Определенная эмоция или социальный контекст прикосновения? Слишком много переменных для начала. Надо упростить.

Начинаю с себя. Смотрю на свои руки. Обычные руки. Бледные. Аккуратные. Пальцы длинные, тонкие. Похожи на руки человека, который никогда в жизни не мыл пробирки вручную и уж точно не таскал мешки с картошкой из погреба. Мои руки до попадания были немного... более "трудовыми".

Пробую прикоснуться к себе. Одной рукой к другой. Обычные ощущения. Кожа к коже. Ничего не происхо-

дит. Никакого свечения, никакого звука, никакого изменения температуры или текстуры. Щипаю себя за предплечье. Больно. Обычная, земная боль. Тоже ничего сверхъестественного.

Может, нужен контакт с другим объектом? Не с собственным телом. Смотрю на резной деревянный столик у кровати. Тяну к нему руку. Медленно. Наблюдаю за ощущениями в кончиках пальцев. За визуальными эффектами вокруг. За звуками (вдруг что-то зашипит или затрещит?). Прикасаюсь. Твердое дерево. Шершавое под пальцами. Обычное дерево. Палец не светится, не искрит. Стол не испаряется, не меняет цвет, не превращается в желе. Гравитация не отключается, пространство не искривляется. Пока все в рамках привычной мне реальности (той, прошлой).

Может, дело не просто в прикосновении, а в намерении? Кэтрин упомянула, что жених хотел взять за руку. С определенным намерением. Предложение руки и сердца, серьезные планы на будущее, все дела. Может, дар реагирует на... сильные эмоции? Или на социальный подтекст прикосновения? Намерение "сделать меня своей женой"?

Слишком сложно для первого эксперимента. Надо еще упростить. Прикосновение к неодушевленному предмету с минимальным эмоциональным зарядом.

Смотрю на чашку, из которой пила воду. Стоит на столике. Обычная керамическая чашка. Гладкая, прохладная. Беру ее в руки. Держу. Ощупываю. Взвешиваю. Никакого

свечения, никакого зуда, никакого шестого чувства, которое подсказывает мне ее точный химический состав или историю производства. Черт. Это расстраивает. Я бы столько всего могла узнать!

Вспоминаю слова Кэтрин: "Ваш дар... он... проявился." Проявился. Значит, он не всегда активен. Он пассивный, пока его что-то не запустит. Триггер. Что может быть триггером? Прикосновение? Эмоция? Присутствие другого человека? Слова?

Пробую с эмоцией. Надо что-то сильное. Думаю о своей лаборатории. О запахе реактивов. О звуке центрифуги. О белых халатах. О формулах на доске. Ностальгия. Сильная. Почти болезненная.

Сжимаю чашку в руках. Ничего. Чашка цела. Руки целы. Комната на месте. Мое лицо в зеркале все такое же бледное и встрепанное.

Ладно. Гипотеза о простом триггере "прикосновение" или "эмоция" пока не подтверждена. Или я недостаточно сильную эмоцию вызвала? Или не то прикосновение?

Что еще? Кэтрин смотрела на мое лицо. Она упомянула, что дар проявился. Может, дар проявляется на лице? Временно меняет его? Превращает в маску чудовища? Временное уродство? Это объяснило бы ужас и отвращение в ее глазах.

Подхожу к зеркалу. Отражение. Бледное, немного растерянное. Но вполне... человеческое. И даже, объективно го-

вора, симпатичное (не мое, но этого тела). То самое, чужое лицо Лидии. Прикасаюсь к щеке. Гладкая кожа. Не горит, не зудит, не светится.

"Ну что за мистика," – вздыхаю я, привалившись лбом к холодному зеркалу. В моем мире на все была причина. На все можно было составить уравнение, провести анализ, получить результат. А тут... "Дар, который проявляется, когда жених берет за руку и пугает всех. Звучит как начало очень странной сказки или очень нелогичного, некорректно поставленного эксперимента."

Может, его запускает... страх? Или сильный стресс? Я точно была в сильном стрессе, когда падала сюда. Возможно, это остаточное явление стресса? Или сам факт попадания?

Ладно. Попробую еще раз. Медленно прикасаюсь пальцем к поверхности стола. На этот раз добавляю элемент намерения. Сосредотачиваюсь. Думаю о даре. О том, что он должен проявиться. Почти приказываю ему: "Проявись!"

Ничего. Или... нет?

Открываю глаза. Обычный палец, обычный стол. Но... что это?

Маленький участок дерева под моим пальцем выглядит... иначе. Не изменился в цвете или форме. Не сгорел, не рассыпался. Но... текстура? Она стала... более выраженной? Контрастной? Как будто я коснулась ее и... усилила? Сделала более "древесной"? Более... "настоящей"?

Прикасаюсь снова к тому же месту с тем же намерением.

На этот раз эффект другой. Поверхность дерева под пальцем стала гладкой. Идеально гладкой. Не как отполированная, а как будто... весь потенциал гладкости этого дерева проявился в этой точке.

Охренеть. Мой дар... это что, управление свойствами материи? Или... потенциалом свойств? Как катализатор, который не меняет себя, но ускоряет или направляет реакцию, делая ее возможной при данных условиях? Или как очень специфический фильтр, который может "выделить" или "усилить" определенное свойство из всей совокупности?

Мозг, привыкший к анализу и синтезу, включился на полную мощность. Это не просто магия. Это... что-то, что можно изучать! Применять логику! Строить гипотезы! Проводить эксперименты! Нужны новые... реагенты? Нет, объекты!

Прикасаюсь к каменной стене. Думаю "твердость". Стена под пальцем кажется чуть тверже, холоднее. Прикасаюсь к чашке. Думаю "хрупкость". Чашка выглядит так же, но почему-то становится иррационально страшно ее уронить. Чувство такое, что одно неверное движение – и она рассыплется в пыль.

Ощущение... эйфории? Восторга? Открытие! Мой дар – это не проклятие! Это... это инструмент! Уникальный инструмент, который, кажется, позволяет влиять на фундаментальные свойства вещей! Это же... это же открывает бесконечные возможности!

Слишком увлеченная своим открытием, я протягиваю руку к тонкой полоске лунного света, пробивающегося через щель в занавеске. "Светлость?" Думаю, сосредоточившись.

И мир перед глазами на секунду вспыхивает. Ярко. Бело. Ослепительно. Словно я только что посмотрела прямо на солнце в безоблачный полдень. Вспышка гаснет, оставляя перед глазами огромные цветные пятна, плавающие в поле зрения.

"Оу," – выдыхаю я, растирая глаза. – "Похоже, надо быть осторожнее с экспериментами... Особенно с теми, что могут повредить сетчатку."

Внезапно раздается стук в дверь. Громкий. Настойчивый. Я вздрогнула. И тут я понимаю, что только что устроила локальный, неконтролируемый фотоэффект в запущенной комнате, которая, вероятно, не видела такого яркого света веками. И это... это мог кто-то заметить. Например, та самая испуганная служанка Кэтрин. Или еще кто похуже.

"Миледи? С вами все в порядке? Вы... вы светились?" – Голос Кэтрин за дверью звучит на грани истерики.

Сердце колотится как бешенное. Я нащупала свой дар. Но кажется, теперь он нащупал меня. И очень громко привлек... внимание. А вот чье внимание – это еще один вопрос. И что будет дальше – самый главный.

ГЛАВА 4: Срочно требуется... катализатор? Или подопытный кролик?

Стук в дверь стал еще настойчивее, а голос Кэтрин сменил интонацию с тревожной на откровенно паническую. "Миледи! Откройте! Я... я сейчас позову госпожу Эвелин!" Ну вот, этого мне только не хватало. Я только-только нащупала свой уникальный магический дар (или что бы это ни было!) и чуть не ослепла от восторга, а теперь мне предстоит объясняться с местным аналогом коменданта общаги или, что хуже, с куратором из ФСБ. И все это в чужом теле, в чужом мире, в чужом корсете!

"Секунду!" – крикнула я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, а не как писк перепуганной мыши, которую поймали с поличным в кладовке с сыром. Быстро накинула на себя что-то вроде халата, валявшегося на стуле (очередной пыльный артефакт местной моды, тяжелый, но без корсета!), поправила волосы (они, кстати, оказались темными и длинными, совсем не как мои светло-русые до плеч). Быстро, очень быстро, прошла по комнате, пытаясь понять, не оставила ли я каких-нибудь улики моего... магического исследования. Вроде нет. Только в глазах цветные пятна, но это, надеюсь, пройдет.

Сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. "Спокойствие, Аня. В смысле, Лидия. Ты просто проснулась, тебе стало плохо, ты увидела странный свет... Это же магический мир, тут у всех глюки случаются, да? Главное – не выглядеть так, будто ты только что изобрела новый вид магического оружия или пыталась открыть портал в параллельное измерение прямо из спальни". Хотя, по моим ощущениям, я была где-то на полпути к обоим пунктам.

Подошла к двери, помялась. Что сказать? Правду? "Здравствуйте, я Анна из XXI века, только что поняла, что умею временно менять свойства материи и чуть не выжгла себе сетчатку"? Не, так не пойдет. Меня либо сожгут как ведьму, либо запрут как сумасшедшую. Или, что еще хуже, сдадут в НИИ этого мира для опытов. Я уже была в одном НИИ, спасибо, мне хватило.

Надо импровизировать. Надо сыграть роль. Роль Лидии Делакура, которая, по словам Кэтрин, "странная". Что ж, будем играть странную.

Открыла дверь. Кэтрин стояла на пороге, бледная как стена, с огромными глазами, полными ужаса. За ее спиной маячила другая фигура – более массивная, в темном платье. Госпожа Эвелин?

"Миледи! Вы... вы светились! Опять!" – выдохнула Кэтрин, хватаясь за косяк.

"Све... светилась?" – изображаю удивление, хлопая чужи-

ми глазами. – "Я? Не может быть! Наверное, вам показалось, Кэтрин. Я просто... мне стало плохо. Голова закружилась, и я... увидела звезды. Да, звезды! Яркие такие! Это, наверное, от слабости?"

Госпожа Эвелин, внушительная дама с поджатыми губами и острым взглядом, оттолкнула Кэтрин. "Лидия! Что за шум? Кэтрин говорит, ты устроила сияние, которое было видно из коридора! Что ты делала?!" Голос у нее строгий, с нотками раздражения и... страха? Страх? Почему она боится?

Я попыталась изобразить невинность. "Я? Ничего, госпожа Эвелин. Правда. Я... я проснулась, мне было холодно. Я встала. И... и вдруг... свет. В голове? Нет, вокруг меня? Я... я не знаю! Я испугалась! Я... я не могу это контролировать!"

Сыграть "не могу контролировать" было легко – это была чистая правда. Я действительно не могла. Пока что.

Госпожа Эвелин подошла ближе. Ее острый взгляд изучал меня, словно под микроскопом. Она протянула руку, намереваясь, кажется, коснуться моего лба. Инстинктивно я отшатнулась. Урок Кэтрин и несостоявшегося жениха был усвоен. Прикосновение – потенциальный триггер. А я не знала, что именно он запускает на глазах у почтенной дамы. Вдруг я превращусь в жабу? Или госпожа Эвелин?

Мое резкое движение, похоже, подтвердило ее худшие опасения. В глазах госпожи Эвелин промелькнул ужас, тот самый, который я видела у Кэтрин.

"Достаточно!" – резко произнесла она, отступая. – "Я... я вижу, тебе снова нездоровится. Кэтрин! Принеси успокоительный отвар. И скажи... скажи кучеру, чтобы готовился. Мы едем."

Куда едем? Почему так срочно? Я что, настолько "странная" и "опасная", что меня решили куда-то сплавить?

"Куда мы едем, госпожа Эвелин?" – спросила я, пытаюсь не звучать слишком встревоженно.

Она посмотрела на меня с нечитаемым выражением. "Мы едем туда, где тебе смогут помочь. Или... где ты не сможешь навредить. Не задавай лишних вопросов, Лидия. Просто собирайся. Возьми самое необходимое. Через час выезжаем."

Час? Вот это скорость! Явно не курорт. Скорее, ссылка. Или... куда-то, где занимаются такими "дарами". Магическая лечебница? Тюрьма для одаренных? Или...

В этот момент, когда я переодевалась в спешке, собирая вещи под бдительным взглядом Кэтрин (она все еще держалась на расстоянии и избегала смотреть мне в глаза), я услышала шум на подъездной аллее. Стучали копыта, скрежетали колеса. Кто-то приехал. Не наша карета, та еще готовилась. Гости? В такое время?

Кэтрин замерла, прислушиваясь. Потом ее глаза расширились. "Миледи... Это... это экипаж из столицы!"

Столица? За мной? Или за госпожой Эвелин? Сердце снова забилося быстрее. Что происходит?

Выглянула в окно. Остановилась роскошная, но слегка

пыльная карета. Герб на дверце... незнакомый. Но явно не местный. Не герцогский, не графский. Какой-то... более специфический? Рядом с каретой стоял мужчина. Высокий. В строгом, темном костюме. Не военный, не придворный. Вид... сосредоточенный. И какой-то... отстраненный. Словно он видел мир как набор данных для анализа.

От кареты отделилась еще одна фигура. Тоже мужчина. Молодой. Слишком... идеальный. Красивое, но холодное лицо. Улыбка... натянутая? Это тот самый жених, который испугался моего дара? Господин Ричард? Похоже, нет. Этот выглядит... опаснее. Как породистый хищник в смокинге.

И тут я увидела третьего. Он вышел из кареты последним. Высокий. Взлохмаченный. В одежде, которая выглядела дорогой, но сидела так, будто он спал в ней последние три дня. В руках он держал... колбу? Или что-то похожее на нее. Его взгляд был прикован не к дому, не к людям, а... к воздуху? К камням на дороге? К листьям на дереве? Он выглядел как... как типичный безумный профессор из кино. Только в дорогом костюме.

Кэтрин охнула. "Ох, боги... Это... это сам магистр Артемий!"

Магистр Артемий? Имя что-то смутно напоминало... Где я его слышала? А! В одной из книг по истории магии, которые я читала, пытаюсь понять этот мир! Он был... выдающимся теоретиком? Изобретателем? Алхимиком? Тем, кто не просто использовал магию, а пытался понять ее суть? Тем,

кого считали гением... и немного безумцем?

Он оторвал взгляд от листа на дереве и посмотрел прямо на окно моей комнаты. Сквозь стекло, сквозь шторы... Прямо на меня. Его глаза... странного, неопределенного цвета, казалось, не просто смотрят, а анализируют. Как будто он видит не девушку в окне, а набор... параметров.

По спине пробежал холодок. Это он. Мой... Гений? И кажется, он здесь не просто так.

Госпожа Эвелин вышла в коридор и приказала открыть входные двери. Слышу приглушенные голоса. Напряженные. А я стою у окна, сжимая в руке пыльный халат, и чувствую, как моя новообетенная способность временно менять свойства материи вдруг ощущается как... очень нужная вещь. Как будто я только что нашла ключ к двери, о существовании которой даже не подозревала. И за этой дверью... что-то очень важное. И, возможно, очень опасное.

ГЛАВА 5: Переезд в обитель гения

Разговор внизу, в парадном холле (который, кстати, тоже требовал генеральной уборки), длился недолго. Я, прижавшись ухом к двери, пытаюсь хоть что-то расслышать через толстое дерево, поймала лишь обрывки фраз: "...уникальный случай...", "...требует немедленного изучения...", "...госпожа Эвелин, мы готовы взять ее под свою опеку...", "...безопасность...", "...необходимые условия...". Звучало это... зловеще. Особенно "взять под свою опеку" и "безопасность". Как будто речь шла не о живом человеке, а о химическом реактиве, который склонен к самопроизвольному взрыву.

Внезапно двери моей комнаты распахнулись. На пороге стояла госпожа Эвелин. Лицо у нее было... странным. Облегчение? Страх? Покорность? Все сразу. За ее спиной маячил тот самый "безумный профессор" – магистр Артемий. Он все еще держал в руке колбу, но теперь его взгляд был направлен прямо на меня. Оценивающий. Просчитывающий. Как будто я была очередной переменной в его сложном уравнении.

"Лидия," – произнесла госпожа Эвелин, и в ее голосе не было и следа той властности, с которой она разговаривала утром. Он был... почтительный? – "Магистр Артемий... он... он приехал за тобой."

Мое сердце снова пропустило удар. За мной? Прямо из столицы? Сам Магистр Артемий? Что я такое натворила этим своим "сиянием"? Или что это за дар такой, что за ним едут такие шишки?

Магистр Артемий шагнул в комнату. Двигался он плавно, но при этом казался немного... неуклюжим? Словно его мозг был постоянно занят чем-то более важным, чем управление собственным телом. Он обошел столик, остановился в паре шагов от меня и... поклонился. Не глубоко, формально. Но поклонился.

"Миледи Лидия," – его голос был... низким. И тоже каким-то... отстраненным. Как будто он говорил не со мной, а со статистической моделью. – "Мое имя Артемий. Я... занимаюсь исследованиями в области аномальных магических проявлений. Ваш... феномен... он представляет для меня исключительный научный интерес."

Феномен? Я что, теперь экспонат в музее? Или статья в научном журнале? "Феномен Лидии Делакруа: неконтролируемое сияние при попытке выдать замуж". Отлично.

"Я... я не совсем понимаю, магистр," – сказала я, пытаюсь выиграть время и понять, что происходит.

"Ваш дар, миледи," – он перебил меня, словно моя реплика была лишним шумом в эфире. – "Способность влиять на базовые магические константы. Изменять плотность эфира в локальной области. Или временно корректировать вероятностные исходы магических реакций. Это... это потрясаю-

ще. Исключительно редко. И, возможно, ключ к решению моей... текущей проблемы."

Он говорил так, будто обсуждал формулу, а не живого человека. "Базовые магические константы"? "Плотность эфира"? "Вероятностные исходы"? Мои научные мозги, даже в этом шоке, начали лихорадочно цепляться за знакомые (хоть и в другом контексте) термины. Неужели мой дар – это какая-то форма... магической физики? Управления фундаментальными взаимодействиями в этом мире?

"Текущая проблема?" – осторожно спросила я.

"Глобальная," – коротко ответил он, и в его глазах мелькнуло что-то... тревожное. Всего на долю секунды, но я успела заметить. Значит, его "научный интерес" – это не простое любопытство. За этим что-то стоит. Что-то... масштабное.

"Я готов... предложить вам сотрудничество," – продолжил он, возвращаясь к своему отстраненному тону. – "Я предоставляю вам все условия для жизни, безопасность, доступ к ресурсам... А вы позволите мне изучать ваш дар. Под моим руководством, разумеется. И, возможно, применять его для... нашего общего блага."

"Сотрудничество?" Это звучало как "Вы предоставляете свое тело для опытов, а мы кормим вас и не даем превратиться в подопытную крысу".

"Я понимаю ваше замешательство, миледи," – он наконец оторвался от своих внутренних расчетов и посмотрел на меня чуть... внимательнее. – "Но ваше поместье не может обес-

печить вам должную безопасность. Ваш дар привлекает... нежелательное внимание. В моей Башне вы будете в безопасности. И получите возможность... развить свой потенциал."

Безопасность? Нежелательное внимание? Вот оно что. Значит, я не просто "странная", я еще и "ценная" или "опасная". И за мной уже охотятся. Это объясняет срочность.

Я стояла, пытаюсь осмыслить ситуацию. С одной стороны – неизвестность, страх, использование. С другой – безопасность (вроде как), возможность понять свой дар (который, похоже, куда круче, чем я думала!) и... сбежать от госпожи Эвелин и ее женихов. Ну и от пыльного поместья.

Мои прагматичные мозги, даже пережив попадание и чуть не выгоревшую сетчатку, начали работать. Вариант А: остаться здесь. Что меня ждет? Новые женихи, которые испугаются дара? Попытки госпожи Эвелин избавиться от меня или сплавить куда подальше? И потенциальная опасность от тех, кто уже заинтересовался даром. Вариант Б: согласиться на предложение Магистра Артемия. Переехать в его Башню. Получить безопасность, ресурсы, возможность изучить дар под руководством гения. Но при этом стать... объектом исследования. Потенциально опасного исследования.

Это была сделка. Не брак, как в "Третьей жене", но что-то похожее на "брак по расчету", только расчет не материальный, а... научный. Он нуждается в моем даре. Я нуждаюсь в безопасности и понимании этого дара.

Госпожа Эвелин смотрела на меня с ожиданием. Для нее,

похоже, это было избавление.

"Лидия," – ее голос стал чуть мягче. – "Это... это шанс для тебя. Магистр Артемий – великий ученый. Он сможет... он сможет тебе помочь."

"Или использовать в своем великом эксперименте," – мрачно подумала я. Но вслух произнесла другое.

"Магистр Артемий," – я сделала шаг вперед. – "Я... я согласна."

Его глаза на секунду расширились. Удивление? Он не ожидал такого быстрого согласия? Или просто не ожидал, что "феномен" умеет принимать решения?

"Отлично," – произнес он, и в его голосе появились нотки... удовлетворения? – "Собирайте вещи, миледи. Мы выезжаем незамедлительно. Мой помощник, магистр Ричард, поможет вам."

Так вот кто был этот "идеальный" красавчик внизу! Помощник! А я-то думала, очередной жених. Это объясняет "натянутую" улыбку – он, наверное, ждал, что мне придется долго уговаривать.

Я вернулась в комнату, где Кэтрин уже начала судорожно собирать мои немногочисленные пожитки. "Мы едем, Кэтрин," – сказала я.

"Куда, миледи?"

"К Магистру Артемию," – ответила я. И поймала себя на мысли, что в этом звучит столько обреченности и одновременно... любопытства. Ну что ж, НИИ так НИИ. Только те-

перь я в нем не сотрудник, а... экспонат?

Через час я сидела в роскошной карете Магистра Артемия. Напротив меня сидел он сам, уткнувшись взглядом в свои пергаменты и что-то записывая. Рядом сидел магистр Ричард, бросая на меня осторожные, оценивающие взгляды. Госпожа Эвелин осталась в поместье, явно довольная тем, что избавилась от проблемной родственницы. Кэтрин, к моему удивлению и радости, поехала со мной – я настояла, и Артемий равнодушно кивнул.

Карета тронулась. Я посмотрела в окно, на проносящиеся мимо деревья. Внутренний монолог вернулся. "Итак, Анна. Ты влипла. Конкретно. В чужом мире, в чужом теле, под опекой (читай: надзором) гениального мага, который видит в тебе не женщину, а инструмент. Отлично. Но... хотя бы интересно. Посмотрим, что за 'глобальная проблема' там у него. И как мой 'феномен' в это вписывается. Пристегните ремни, кажется, наше научное приключение только начинается."

ГЛАВА 6: Правила совместной работы

Дорога заняла несколько дней. Длинных, однообразных дней, прерываемых лишь остановками в пыльных придорожных тавернах, где еда была, мягко говоря, не очень, а взгляды на меня (или на карету Магистра Артемия?) – слишком любопытными. В карете царила атмосфера... научного поезда. Магистр Артемий большую часть времени либо читал свои пергаменты, либо что-то бормотал себе под нос, либо пристально смотрел в окно с таким выражением лица, будто анализировал химический состав воздуха или гравитационные аномалии на пролетающих мимо коровах. Иногда он доставал маленькую записную книжку и лихорадочно туда что-то записывал. Магистр Ричард был более... стандартным. Сидел ровно, смотрел прямо перед собой, изредка бросая на меня оценивающие взгляды, которые, в отличие от взгляда Артемия, были вполне человеческими. Наверное, он пытался понять, что Магистр нашел в этой "странной" девушке из провинции.

Я? Я пыталась выжить. Мой корсет оказался на удивление стойким, но к концу дня я чувствовала себя как в тисках. Пыталась разговаривать. С Кэтрин – та держалась на расстоянии, все еще немного меня побаиваясь, но была го-

това помочь с бытовыми мелочами (расшнуровать корсет, о, блаженство!). С Ричардом – он отвечал вежливо, но кратко, явно соблюдая дистанцию и не выходя за рамки профессионального помощника. С Артемием... С Артемием разговор не клеился. Я пыталась задавать вопросы о мире, о магии, о его исследованиях. Он отвечал, но... как будто лекцию читал. Безэмоционально, по существу. Я пыталась шутить (черный юмор, в основном, мой конек). Он смотрел на меня как на странный, но интересный феномен. "Ваша реакция на стресс проявляется в попытках генерации нестандартных лингвистических конструкций. Любопытно." Любопытно ему! А мне хотелось стукнуть его чем-нибудь тяжелым!

Однажды, пытаясь найти хоть какую-то общую тему, я спросила: "Магистр, а как вы... пришли к своим исследованиям? Ну, что вас... вдохновило?"

Он оторвался от пергамента и на секунду посмотрел на меня с таким выражением, что я подумала, что сейчас получу ответ в виде сложного заклинания или алхимического взрыва. Но нет.

"Вдохновение, миледи?" – его голос был чуть задумчивым. – "Я... всегда видел мир не таким, каким его видят другие. Я видел потоки энергии, взаимодействие сил... Магическая теория... она... неполна. В ней слишком много допущений, слишком много 'просто так работает'. А я... я хотел понять почему. Разложить на компоненты. Найти фор-

мулы. А аномалии... аномалии – это ключи. Они показывают, где теория расходится с практикой. Ваш дар... он... он уникален. Он нарушает известные закономерности. Изучение его... это как... открыть новую главу в понимании магии."

Он говорил с такой страстью, что я на секунду забыла о том, что для него я всего лишь "ключ" и "аномалия". Его глаза... в них загорелся тот самый "огонь гения". Он был одержим. Своей наукой. Своим стремлением понять. В этом мы были похожи. Я тоже любила докапываться до сути. Даже если эта суть была в составе полимера или... в природе магического дара.

"А глобальная проблема...?" – осторожно спросила я.

Взгляд его стал мрачнее. "Это... последствия игнорирования этих самых аномалий. Мир... наш мир... он не так стабилен, как кажется. Некоторые закономерности нарушаются. Происходят сбои. Если их не понять и не устранить... последствия могут быть... катастрофическими."

Звучало серьезно. "Катастрофические" в его устах, вероятно, означало что-то хуже, чем утечка кислоты в лаборатории.

Наконец мы приехали. Башня Магистра Артемия. Она оказалась... внушительной. И странной. Не классическая каменная башня из сказок, а что-то вроде модернистского здания, построенного из разных материалов – камень, металл, какой-то светящийся кристалл. Она возвышалась над лесом,

уходя в облака. Выглядела так, будто ее построили гении, которым было плевать на архитектурные каноны, главное – функциональность.

Нас встретили помощники Магистра – несколько человек в простых робах, с умными, но немного изможденными лицами. Они двигались быстро, говорили тихо, явно привыкли к работе в тишине и сосредоточенности. Мне показалось, они посмотрели на меня с тем же интересом, что и Артемий, но без его отстраненности. Скорее, как на... новый прибор.

Магистр Ричард отвел меня в мои комнаты. Они оказались просторными, но... аскетичными. Никакой позолоты и бархата, как в поместье Делакруа. Мебель простая, функциональная. Много полок для книг (ура!). И... чисто. Вот это меня поразило. Башня гения-безумца, а тут чисто! Наверное, у него были помешанные на уборке помощники. Или магическое заклинание "Самоочищение". В моем мире о таком можно было только мечтать.

Ричард вежливо объяснил мне "правила дома". "Уважаемая миледи Лидия, вы можете свободно перемещаться по жилым зонам Башни. Ваши комнаты... вот. Здесь библиотека. Вот сад для прогулок. В лаборатории... доступ ограничен, только в присутствии Магистра или по его разрешению. Питание по расписанию. Если вам что-то понадобится, обращайтесь к Кэтрин или ко мне. И... пожалуйста, избегайте прикосновений к... к лабораторному оборудованию без присмотра Магистра. Некоторые предметы... могут быть...

нестабильны."

"Нестабильны"? Звучит как "могут взорваться и телепортировать вас на Марс". Отличная перспектива.

Кэтрин, которой выделили маленькую комнатку рядом, выглядела чуть более расслабленной, чем в поместье. Наверное, атмосфера гениального безумия ее пугала меньше, чем перспектива новых женихов и таинственного дара.

Первые дни в Башне прошли в режиме адаптации. Я старалась привыкнуть к новому расписанию (оно было... нерегулярным, зависело от того, когда у Магистра Артемия возникала новая идея или когда что-то не получалось). К новой еде (странные, но вкусные блюда, иногда меняющие цвет или текстуру, наверное, тоже побочный продукт экспериментов). К новой компании (помощники Магистра вначале общались со мной как с новым видом подопытного животного, но потом привыкли). И, конечно, к Магистру Артемию.

Наше "сотрудничество" началось на следующий день. Он пришел в мои комнаты (без стука, разумеется, у гениев свои правила), с кучей пергаментов и странных приборов. "Миледи Лидия," – сказал он, словно продолжая прерванную лекцию. – "Сегодня мы начнем с базовых тестов. Мне нужно понять... энергетическую сигнатуру вашего дара. Его частотные характеристики. А затем мы перейдем к... попыткам контролируемой активации."

"Контролируемой активации"? Звучит как "заставим его светиться по команде". Я была готова. Это же, по сути, ла-

бораторная работа!

Мы начали. Я сидела на стуле, он стоял напротив, с приборами и пергаментами. Он объяснял, что делает, используя термины, которые звучали как смесь древних заклинаний и... высшей физики. Я слушала, пытаюсь уловить знакомые закономерности.

"А теперь, миледи," – сказал он, глядя на меня сосредоточенно. – "Я прошу вас... сконцентрироваться на... ощущении дара. На том моменте, когда вы почувствовали... изменение свойств. И... попытайтесь его... воспроизвести. На этом кристалле."

Он протянул мне небольшой кристалл. Прозрачный. Слегка пульсирующий.

Я взяла кристалл в руку. Холодный. Странное ощущение. Закрыла глаза. Вспомнила тот момент в комнате поместья. Ощущение силы, идущей изнутри. Желание "изменить". "Усилить". "Проявить".

Сосредоточилась на кристалле. Попыталась направить это ощущение на него. Думаю: "Яркость".

Ничего.

"Не получается?" – голос Артемия был... разочарованным?

"Не знаю," – открыла я глаза. – "Мне кажется, я что-то чувствую... Но эффекта нет."

"Возможно, триггер сложнее," – пробормотал он, записывая что-то в свой блокнот. – "Попробуем... с эмоцией. Скон-

центрируйтесь на чувстве... страха. Страх за свою безопасность. И направьте его на кристалл."

Страх? Легко! Я же только что попала в другой мир, меня похитил гений-алхимик, и я живу в башне, где все может взорваться!

Сосредоточилась на страхе. Направила его на кристалл.

Кристалл в руке... потеплел? И стал... тускнеть?

"Интересно..." – Артемий наклонился ближе. – "Отрицательная корреляция? Или реакция на отрицательные эмоции?"

Так мы и работали. День за днем. Он придумывал эксперименты, я пыталась "активировать" дар, он записывал результаты. Я задавала вопросы, основываясь на своих знаниях о химии и физике, он удивленно поднимал бровь, но иногда задумывался. Наши диалоги были странной смесью магических терминов и моих "а это что за валентность?" или "а если применить принцип Ле Шателье?".

Постепенно я начала понимать его. Его одержимость не была безумием в чистом виде. Это была... абсолютная сосредоточенность. Весь его мир был в его исследованиях. Люди... люди для него были либо переменными в уравнениях (как я), либо источниками данных, либо просто... фоновым шумом. Он не был злым или жестоким. Он был... отстраненным. Социально неадаптированным. Гением, который жил в своем мире формул и энергий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.